

а вперед, Екатерине. Этот новый характер, которого использованные места в манифестах отнюдь не имели, конечно, не могли не задеть Екатерину: нуждалась ли она в таких поучениях и смел ли ей их давать ее «всеподданнейший раб», хотя бы и в сильном поэтическом увлечении? Наконец, в строфе 22 М. В. Ломоносов прямо и неприкрыто заговорил об умении «россами владеть», т. е. об известном искусстве в установлении своего владычества у «россов», в некотором приноровлении к «россам», в некотором «россов» обмане. Он давал понять, что покойный император совсем не умел, и заявлял, что Екатерина умест «владеть россами». Это могло быть ею понято как известный упрек в политической неискренности, который еще горше должен был показаться ей в строфе 18 с советами любить «верных рабов» и их «веру». Первые за любовь к ним «прославят монарха», а за «тесноту» его «оставят... в скорби». Вторая

«... свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякого щита».

Екатерина, которая, действительно, отличалась политическим тактом и исключительною неискренностью в политических отношениях и так же понимала, как Ломоносов, реальное значение «любви» монарха к его «верным рабам» и их «вере», могла увидеть в этих строфах М. В. Ломоносова свой портрет и остро почувствовать себя всенародно разоблаченной поэтом.

Циник с близкими, она умела быть искусным лицемером с дальними и не любила, когда с нее срывали маску благочестия и прямоты. Как же было ей оставаться довольной его одой? И как ей было считать своею — политическую программу, которую он дал в этой оде?

Наконец в строфах 18 и 22 Екатерина могла вычитать и другое — угрозу судьбою Петра III, — на случай, если и она, вопреки своим обещаниям и надеждам поэта, не станет любить своих «верных рабов» и их «веру» и даст им «тесноту», вместо льгот. Как же было молодой императрице мириться с такою угрозою, — тем более, ее прощать? И не казался ли и ей и тем, кто ее окружал, бунтовщиком «всеподданнейший раб», дерзнувший высказать такую угрозу?